

Юй Тяо больно ударился затылком об острый угол стола. К счастью, затылочную железу он не задел — с её-то хрупкостью Лу Куаньдун после подобного мог сразу готовить документы на развод.

Беда, впрочем, одна не приходит: вслед за углом он грохнулся затылком об пол и долго не мог прийти в себя. В ушах гудело, глухой звон отдавался по всему позвоночнику, отчего конечности постепенно наливались онемением. Когда дворецкий позвал его из-за двери, Юй Тяо попытался отозваться, но голос вырвался настолько тихим, что снаружи его попросту не услышали.

К моменту, когда в комнату вошёл Лу Куаньдун, Юй Тяо уже успел забраться на диван. Он сидел, поджав ноги и держась за заголовочек, и выглядел вполне невредимым.

Лу Куаньдун стянул митенки и бросил взгляд на присутствующих.

— Сказывали, упал? — безразлично спросил он дворецкого, хотя его тёмный, пронзительный взгляд был прикован исключительно к Юй Тяо. — Я смотрю, всё с ним в порядке.

— Грохот и впрямь стоял приличный... — тихо заступился дворецкий.

Лу Куаньдун подошёл и опустился на диван рядом. Тяжёлая, давящая аура, присущая любому альфе, накрыла с головой. В подобные мгновения Юй Тяо от страха затаивал дыхание, опасаясь сделать лишний вдох.

Со стороны всё смотрелось иначе: дворецкому, к примеру, показалось, что молодой хозяин находится в весьма нескверном расположении духа.

— И из-за чего ты капризничаешь? — Лу Куаньдун наклонился так близко, что почти коснулся кончиком носа его ушной раковины.

Юй Тяо судорожно выдохнул, сердце сбилось с ритма и заколотилось где-то в горле. Сухой кадык качнулся.

— Вовсе я не капризничаю, — тихий ответ прозвучал обиженно. Лу Куаньдун ведь даже толком не взглянул на него! С чего он взял, что Юй Тяо дуется или устраивает сцены? Неужели порог его терпения настолько низок?

— Не капризничаешь, а сам притворяешься, будто упал, — с холодным укором произнёс альфа.

Юй Тяо отвернулся. В его тёмных, чистых глазах дрожало отражение Лу Куаньдуна. Рука, прижимавшая сзади шею, бессильно опустилась на колено.

— Я не просил дворецкого звать тебя... Ты мог и не подниматься.

Лу Куаньдун закинул ногу на ногу, оперся локтём о подлокотник дивана и приставил костяшки пальцев к виску.

— Значит, всё-таки притворился, — невозмутимо подытожил он.

— ... Нет.

Лу Куаньдун был, пожалуй, последним человеком на свете, способным понять его чувства. Юй Тяо подался вперёд, отчего диванная подушка слегка пружинила. Рядом с этим альфой каждое, даже самое незначительное движение казалось невероятно значимым. Повернувшись спиной, он указал пальцем на ушибленное место у основания черепа:

— Я правда упал. Смотри.

Мгновение спустя шеи касалась слегка шершавая подушечка пальца. От этого мимолётного прикосновения по коже побежали мурашки, отзывавшиеся сладостным зудом.

Юй Тяо уж было решил, что обвинения сняты, но Лу Куаньдун снова подал голос:

— И надо же тебе быть настолько неловким. Что за привычка изображать из себя жертву?

Если бы дворецкий сейчас сказал, будто у хозяина хорошее настроение, Юй Тяо не поверил бы ни единому слову. Каждое речение резало без ножа. Не признался — притворщик; объяснил, как всё было на самом деле — всё равно не верят. Неудобен при любом раскладе.

— Принеси мазь, — кивнул дворецкому Лу Куаньдун.

Слова всё же возымели действие: альфа больше не подозревал его в хитрости.

— Где ещё? — коротко бросил Лу Куаньдун.

— А? Ах... тут. — Юй Тяо сообразил не сразу: вопрос касался ушибов. Мужчина никогда не отличался терпимостью к нему и даже предложения ленился договаривать до конца.

Широкая, сухая ладонь накрыла затылок, пальцы зарылись в мягкие, шелковистые волосы, нежно касаясь кожи. Лу Куаньдун медленно погладил ушибленное место и с непонятной интонацией — то ли с насмешкой, то ли сочувственно — заговорил:

— Кажется, шишка выскочила.

— Все равно под волосами не видно, — Юй Тяо немного подался вперёд, разрывая контакт. — Не трать на меня время, со мной всё в порядке. Возвращайся к гостям.

Лу Куаньдун его покорности не оценил. Уголки его губ пренебрежительно опустились.

— Я их уже выпроводил, — хмуро выронил он и добавил: — А ведь друзья не так часто заходят.

Юй Тяо испуганно опустил голову:

— Извини. В следующий раз предупреди меня заранее, и я вообще не стану выходить из комнаты.

Вернувшийся с лекарством дворецкий заметил, что молодой хозяин стал ещё мрачнее, чем прежде. Так и не прикоснувшись к мази, Лу Куаньдун поднялся и направился к выходу, бросив через плечо:

— Намажешь сам.

Будто кто-то другой собрался бы его мазать! Юй Тяо отложил тюбик в сторону. Пожелание хорошего вечера, предназначенное мужу, досталось лишь качающему головой дворецкому.

Раньше Юй Тяо спал до полудня, но с тех пор как Лу Куаньдун передал ему кондитерскую «Сноуфлейк», подъем стал ранним. Цинь Цзуй пару дней не появлялся, сославшись на семейные хлопоты. Официальное открытие ещё не состоялось, так что Юй Тяо заверил его, что ничего страшного в этом нет.

Внезапно в заведение хлынул поток соискателей. Ситуация казалась странной: резюме кандидатов выглядели ярче и солиднее всей жизни самого Юй Тяо. С чего бы им устраиваться в скромную кондитерскую? Неужели скандал с загрязнением подавителей и впрямь спровоцировал такой всплеск безработицы, о котором говорил Цинь Цзуй?

Как бы там ни было, поводов для огорчения не имелось.

В день рождения Хань Ло Юй Тяо поднялся на рассвете. Помимо предстоящего банкета была и другая причина: накануне Тан Бо принёс ему на пробу образцы тортов от местных кондитеров.

Юй Тяо с трудом перетерпел ночь, чтобы оставить десерты на завтрак. Желудок у него был слабым, пищеварение часто сбило. Как-то раз из-за ночной тяжести в животе он долго не мог уснуть и в итоге разбудил Лу Куаньдуна. С тех пор муж строго-настрого запретил ему есть на ночь — при голоде разрешалось глотнуть только воды или молока.

Расправившись с угощением, он отписался Тан Бо со своими замечаниями и ушёл переодеваться.

Во избежание накладок Юй Тяо не только наклеил на шею блокирующий пластырь, но и сделал укол особого подавителя — безрецептурного препарата для перенёсших операцию или имеющих специфические показания, который он лично приобрёл в аптеке.

Аптекарь тогда поинтересовалась, не переживает ли он вторичную дифференциацию. Юй Тяо лишь улыбнулся в ответ: этот возраст для него давно остался позади.

Впрочем, дежурный вопрос фармацевта можно было понять: выглядел юноша совсем юно. Округлый разрез глаз невольно заставлял домысливать пухлые щеки и детскую припухлость. Однако после перенесённой в старших классах операции он резко и сильно похудел, отчего проступили точёные скулы, придавшие его лицу утончённую, строго выверенную красоту.

Лу Куаньдун ждал его в машине, скрестив руки на груди и прикрыв глаза. В щель приоткрытого окна проникал узкий лучик света. Он падал аккуратно на нижнее веко, отчего синева усталости под глазами проявлялась особенно чётко.

Юй Тяо старался действовать максимально бесшумно, но едва он взялся за ручку двери, Лу Куаньдун вздрогнул плечом и открыл глаза.

— Замер, как истукан? На улице дубак, машину выстудишь, — проворчал альфа.

Юй Тяо тут же поспешно юркнул на сиденье.

— Что в пакете? — нахмурился Лу Куаньдун.

— Еда.

— Завтракать не пробовал?

— Позавтракал.

— ... — Лу Куаньдун брезгливо поморщился. — Посмотрит кто со стороны — решит, будто я тебя морю голодом под замком.

Машина тронулась, пакет в руках Юй Тяо едва заметно покачивался. Он решил проигнорировать этот выпад. Опять злится из-за пустяка! Интересно, в какой момент эволюция АВО дошла до того, что у альф климакс наступает раньше времени?

Хань Ло являлся младшим сыном семьи Хань, и родственники в нём души не чаяли. Торжество по случаю его дня рождения организовывали с помпой и нескрываемым размахом. Все сливки общества, будь то чиновники или крупные бизнесмены, считали за честь засвидетельствовать своё уважение клану Хань.

У Юй Тяо перехватило дыхание сразу же, как только он ступил на ковровую дорожку. Народу собралось слишком много — казалось, на всех банально не хватит воздуха.

«Что сказать первым делом? "Здравствуйте" или сразу поздравить?» Он органически не переваривал необходимость заводить светские беседы. Возможно, причиной тому служила своеобразная психологическая травма от долгой жизни с Лу Куаньдуном. Если бы все люди вокруг обладали настолько же колючим характером, миру давно настал бы конец.

Мимо прошмыгнули двое слуг дома Хань. Заметив Лу Куаньдуна, они почтительно поклонились: «Молодой господин Лу», после чего устремились дальше. Один из них на бегу бормотал что-то вроде «...никакого...» и «...арахис...».

Юй Тяо не стал вслушиваться. Намного сильнее его поразило другое: Лу Куаньдун мягко улыбнулся прислуге. Эта тёплая улыбка настолько походила на образ, всплывший из глубин памяти, что юноша замер, не сводя с него заворожённого взгляда.

— Чего вылупился? — Лу Куаньдун повернулся и нахмурил брови.

Юй Тяо мгновенно опомнился, отвёл глаза и выдал первое попавшееся объяснение, показавшееся ему убедительным:

— Я здесь кроме тебя никого не знаю.

Ресницы Лу Куаньдуна чуть вздрогнули, но лицо осталось непроницаемой маской.

— Смягчать меня ты, я смотрю, наострился, — бросил он. — У меня дела. Походи пока один. Далеко не отлучайся, когда приедут родители, я пришлю за тобой.

Он вознамерился уйти, но Юй Тяо, собрав волю в кулак, ухватился за его рукав. Альфа замер и смерил его тяжёлым, давящим взглядом.

— Могу... могу я просто сидеть где-нибудь в уголке? Здешняя толпа меня пугает, я совсем не умею общаться с людьми.

— Хоть весь день в уборной просиди, мне без разницы. Главное — не устраивай неприятностей,

— холодно ответил Лу Куаньдун.

«Если так боишься неприятностей, зачем вообще тащить меня сюда?» — мысленно буркнул Юй Тяо, но послушно кивнул и разжал пальцы. От его хватки на дорогой ткани осталась небольшая складка. Лу Куаньдун аккуратно разгладил её, будто демонстративно избавлялся от любых следов чужого прикосновения.

Первоначально Юй Тяо действительно вознамерился переждать банкет в туалете, благо разрешение мужа было получено. Однако жизни свойственно вносить свои коррективы: по дороге он столкнулся с виновником торжества.

Хань Ло выглядел безупречно в чёрном фраке, украшенном тонкой вышивкой. Зауженные брюки подчёркивали стройность его ног, а белоснежные кожаные ботинки бесшумно ступали по ковру. Приблизившись, Хань Ло тепло улыбнулся:

— Юй Тяо, я так рад тебя видеть!

Юй Тяо выдавил из себя натянутую улыбку:

— С днём рождения. Это тебе от Лу Куаньдуна, — он решил проявить благородство и не стал упоминать, что подарок выбирал сам, дабы не обесценивать жест мужа.

Подоспевшие слуги приняли свёрток. Хань Ло кивнул им:

— Отнесите в холл.

Затем повернулся к Юй Тяо:

— Передай Куаньдуну мою благодарность. И тебе спасибо.

Повисла неловкая пауза. Юй Тяо судорожно искал предлог раскланяться, но почувствовал на себе пристальный, неестественно тяжёлый взгляд Хань Ло. Этот взгляд словно физически впился в его затылок, удерживая на месте. Юй Тяо стало не по себе.

— Если мне не изменяет память, ты ведь бета? Зачем тебе блокирующий пластырь? — поинтересовался Хань Ло.

— Он не для блокировки феромонов, — пояснил Юй Тяо. — Я перенёс операцию на железе. Иногда она зудит и воспаляется, а пластырь помогает снять неприятные ощущения.

— Вот оно что, — понимающе протянул Хань Ло, после чего его взгляд перескочил на

подарочный пакет в руках юноши. — А это что?

— Лакомства.

— Арахисовое печенье... — Хань Ло прищурился, разбирая мелкий шрифт на упаковке. На секунду его взгляд стал отсутствующим, но тут же прояснился: — Можно попробовать?

— Конечно, — Юй Тяо аккуратно достал целое, не помятое печенье и протянул ему. — Ты, разумеется, пробовал множество изысканных десертов, но это тоже весьма недурно.

— Большое спасибо, — вежливо улыбнулся Хань Ло. — У меня ещё есть дела, так что чувствуй себя как дома.

<http://bllate.org/book/20424/2131195>